

они падали, — потом я смочил его собственными слезами — потом слезами Марии, потом своими — потом опять утер ее слезы — и, когда я это делал, я чувствовал в себе неописуемое волнение, которое, я уверен, невозможно объяснить никакими сочетаниями материи и движения» (127—128).

Но Йорик не просто чувствительный путешественник, легковёрность и наивность которого обнаруживает автор. Йорик — философ, носитель определенных морально-этических принципов. Отправляясь в путешествие, он признается в том, что преследует иные цели, чем большинство путешественников. Он едет во Францию не по делам, не из-за болезни и не из любопытности. Путешествуя, Йорик хочет проверить справедливость своих представлений о природе человека. «Я делаю пробу человеческой природе, — восклицает Йорик, — вознаграждением мне служит самый мой труд — с меня довольно» (31). Он не ограничивается эмпирическими наблюдениями, он хочет учиться «искусству жить» и научить ему других людей. «Это скромное путешествие сердца в поисках за природой и теми приятными чувствами, что ею порождаются и побуждают нас любить друг друга — а также мир — больше, чем мы любим теперь» (95). Герой «Сентиментального путешествия» стремится пробудить в людях чувство симпатии и доброжелательности к своим ближним. Он апеллирует к добрым чувствам человечества в целом: «Позор для нашего общества! — Если бы мы любили друг друга, как этот бедняк любил своего осла, — это бы кое-что значило» (46). С горечью отмечает Йорик людские пороки: «Как сильно мир должен быть проникнут духом вражды, если покупатель... стоит ему только выйти с продавцом на улицу, приходит в такое состояние и смотрит на своего контрагента такими глазами, как если бы он отправлялся с ним в укромный уголок Гайд-парка драться на дуэли... Низкое чувство!... низкое грубое чувство! Рука твоя занесена на каждого, а рука каждого занесена на тебя» (17—18).

И все же Йорик убежден, что у большинства людей добрые чувства одерживают в конечном счете победу над «заблуждениями ума и сердца». И Стерн последовательно раскрывает несостоятельность прекраснодушной позиции Йорика. Йорик хочет разобраться в человеческой природе, проанализировав прежде всего свою собственную. Этот анализ сознателен и целенаправлен. Рассказчик пишет «не для оправдания слабостей своего сердца во время этой поездки, а для того, чтобы отдать в них отчет» (18). Но прекраснодушные теоретические убеждения Йорика ставятся под сомнение практикой его поведения. Суждения Йорика о себе самом либо противоречат его же суждениям, высказанным в другое время, либо опровергаются его поступками. Йорик говорит о присущем ему бескорыстии, ему-де не нужны «епископские митры», он не из тех, «кто по ним тужит»; и он же волнуется, что ему не удастся «сделать церковную карьеру... и быть чем-нибудь побольше вшивого пребендаря». Йорик преклоняется перед целомудрием и чистотой, он прямо-таки кичится своей стыдливостью: «Во мне есть что-то, в силу чего я не выношу ни малейшего намека на непристойность» (94). Как вяжутся такие заявления с тем, что рассказ Йорика буквально переполнен двусмысленностями и фривольными намеками?

Йорик говорит об облагораживающем влиянии любви на его характер: «...если я сделаю когда-нибудь подлость, то это непременно случится в промежутке между моими увлечениями; пока продолжается такое междуцарствие, сердце мое, как я заметил, всегда закрыто на ключ, — я едва нахожу у себя шестипенсовик, чтобы подать нищему, и потому стараюсь как можно скорей выйти из этого состояния; когда же я снова воспламеняюсь, я снова весь великодушнее и доброта» (38). Однако мы видим, что, несмотря на любовь к Элизе, о которой с самого начала оповещает Йорик читателей, он отказывает монаху в том самом „шестипенсовике“ („я твердо решил не давать ему ни одного су“), которым он якобы делится с нищим даже в те моменты, когда сердце его «закрыто на ключ». Любовь,